

Волшебный треугольник Музыка

Есть нечто глубоко символичное в том, что Государственный академический симфонический оркестр Республики Беларусь, Белорусская государственная академия музыки и Белорусская государственная филармония празднуют юбилей в один и тот же год. Симфоническому оркестру нынче 95.

Консерватории – так называли ее поколения педагогов и студентов – 90.

Филармонии – 85.

Разбежка строго в пять лет. Мистика какая-то!

Впрочем, с консерваторией и филармонией все понятно и объяснимо.

– Предназначение любого образовательного кластера – это путевка в жизнь, – улыбается генеральный директор Белорусской государственной филармонии Александр Никита. – Первый выпуск консерватории практически весь был направлен на работу к нам.

Все коллективы сформировались тогда, в 1937–1939 годах, практически наново. При том что Государственный симфонический оркестр с 1927 года существовал и с 1929 года регулярно давал концерты.

Оркестр – сердце филармонии. Ее предназначение в том, чтобы лелеять, взращивать и красиво продавать это восьмое чудо света. К оркестру непременно прилагается хор. Все это должно сначала родиться. Одно событие волшебным образом цепляется за другое, как шестеренки, запускаящие в движение дивный часовой механизм.

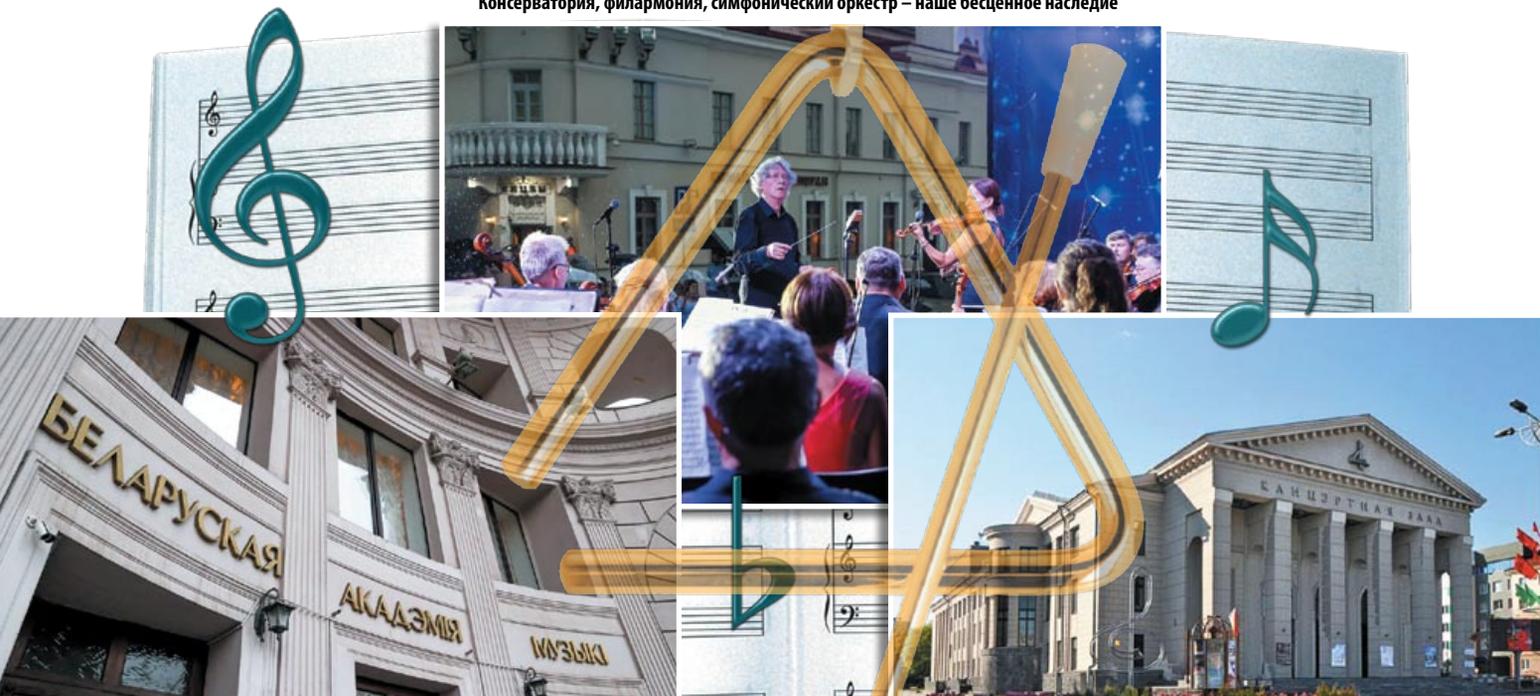
Люди, далекие от академической музыки, зачастую удивляются, зачем это нужно. Есть музыка для развлечения, музыка эстрадная, народная – мол, достаточно.

Но посмотрите, прагматичные китайцы тратят на академическую музыку громадные усилия и деньги. Именно Белорусская государственная консерватория, насколько мне известно, первая из белорусских вузов стала принимать на учебу китайских студентов. Огромное внимание уделяется академическим жанрам и в Японии, и в обеих Кореях. И наоборот, эстрада – ни англосаксонская, ни наша – не пользуется в этих динамично развивающихся странах ни поддержкой, ни популярностью.

Значит ли это, что академическая музыка играет в развитии цивилизации особую роль?

Я считаю, что да. И опыт нашей страны это доказывает.

Консерватория, филармония, симфонический оркестр – наше бесценное наследие

Витебское чудо

Начнем издалека. Выступая на торжествах в честь 100-летия «Беларускай думкі», председатель правления белорусского общества «Знание» кандидат исторических наук Вадим Гигин высказал чрезвычайно важную мысль:

– Во времена, когда создавался журнал, многим было не до журналов. Как говорил тогда Сталин, у большевиков забот был полон рот. В Беларуси еще сохранялось военное положение. Но именно в этот период, в 1921 году, создаются Белорусский государственный университет и Институт белорусской культуры.

Мы можем вспомнить, что в те годы была основана и Национальная библиотека, и Государственный музей, и Витебское народное художественное училище, и Первый Белорусский государственный драматический театр, в составе которого, кстати говоря, был симфонический оркестр, хор и балетная труппа.

В Год исторической памяти хочется спросить: зачем? Зачем Бетховен и Чайковский среди разрухи, голода и войны? Только ли для того, чтобы кто-то – пусть даже Ленин – слушал «Аппassionату»?

«Музыкант не должен думать о том, как себя продать...»

Ответ отчасти в том, что эти серьезные учреждения стали символом нарождающегося суверенитета.

Но гораздо важнее то, что в них воплотилась вековая мечта белорусского народа. Можно лишь представить, что чувствовал Станислав Монюшко, уезжая с родины в поисках насущного хлеба и самореализации. В Минске 1830–1840-х годов не было ни оперного театра, ни филармонии, ни консерватории, где он мог бы учиться и работать, творить и созидать. Один музыкант в поле не воин. Любительское представление «Идиллии» не в счет, это лишь бледная тень того, чем он мог и хотел заниматься.

Потом та же история повторялась с музыкантами меньшего масштаба. А кто-то – и таких большинство – вообще не открыл в себе талант, может быть, гений, потому что не имел представления ни о симфониях, ни о симфонических оркестрах. Да, были когда-то капеллы князьков, запертые в дворцовых стенах и исчезнувшие вместе с их упадком. Красивое любительство, не более того. А настоящее искусство не было доступно ни публике, ни тем, кто мог и хотел стать серьезным музыкантом.

Тем не менее в Витебске еще до революции произошел прорыв, за которым последовала целая цепочка событий. В 1915 году здесь открывается первое и единственное на белорусской земле отделение Императорского Русского музыкального общества.

В сущности, это была филармония, от греческого φίλος (друг) + αρμονία (гармония, музыка). Филармония – не дом на площади Якуба Коласа или где-либо еще, а учреждение, заботящееся о том, чтобы композитор, исполнитель и слушатель встретились в пространстве концертного зала и произошло чудо музицирования.

– Я понимаю натуру музыканта. Я понимаю, почему он никогда не будет богат. Он должен быть немножко в другом измерении. Он не должен думать о том, как себя продать. С ним рядом должен быть кто-то, кто будет этим заниматься, – говорит билетный контролер Белорусской государственной филармонии Инесса Королёва.

Это лучшее из слышанных мной объяснений, зачем филармония нужна.

В Витебске в 1915 году музыканты на миг оказались под опекающим крылом государства, но рухнула империя, и финансирование прекратилось, – событие более чем понятное для академических музыкантов, переживших шоковое погружение в рынок в конце 1980-х годов.

Тем не менее витебские музыканты не хотели мириться с гибелью дела, которому служили, и в начале 1918 года в прифронтовом холодном и голодном городе дали симфонический концерт с целью заработать начальный капитал для возобновления деятельности оркестра и создания народной консерватории. Потому что филармония, консерватория, оркестр – это всегда волнующий аккорд, где одно не может существовать без другого и третьего. Филармония без оркестра, который она опекает. Оркестр без консерватории, которая его подпитывает кадрами.

Чистый сбор с концерта витеблян составил 3500 рублей, но этого было катастрофически мало для воплощения задуманного. А потому 30 марта 1918 года на собрании Витебского отделения Всероссийского союза оркестрантов, насчитывавшего ни много ни мало 120 человек, была составлена докладная записка в адрес народного комиссара просвещения РСФСР Анатолия Луначарского. Ее обнаружил в фондах Государственного архива Витебской области доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова кандидат искусствоведения Александр Лисов.

Аркадий Львович
Бессмертный – основатель
Государственного
симфонического оркестра
БССР. Конец 1930-х годов

Оркестранты тщательно продумали аргументацию. Они доказывали, что с появлением народной консерватории беднейшие слои населения будут «в равной степени обеспечены с имущим классом», а музыка скрасит трудовую жизнь и сделается «неотъемлемой духовной пищей народа, который до настоящего времени, строго говоря, был лишен возможности как наслаждаться искусством, так и изучать его».

К записке прилагался проект устава консерватории и прошение о субсидии в 100 тыс. рублей. Гонцами в Питер были отправлены бывший управляющий Витебского губернского театра Борис Суходрев, бывший редактор «Витебских губернских новостей» хормейстер Михаил Анцев и скрипач, ученик знаменитого Леопольда Ауэра Аркадий (Арон) Бессмертный.

Луначарский удовлетворил петицию витебских музыкантов, да еще и направил к ним дирижера Николая Малько, хотя они об этом не просили. «...Ибо в гор. Витебске есть достаточное число авторитетных в музыкальном деле лиц», – прозрачно намекали они, – «получивших специальное образование в консерваториях, из коих многие имеют уже должную практику в деле преподавания искусства. Кроме того, есть лица, пользующиеся некоторой музыкальной известностью».

Вероятно, имелся в виду Аркадий Бессмертный – самый настоящий шагаловский скрипач, приехавший из Петрограда, как говорят, со скрипкой Страдивари под мышкой.

Тем не менее и оркестр, и народную консерваторию в Витебске возглавил именно Малько. «О, Малько!» – восторгалась мы, школьницы, потому что в конце 1970-х годов он был для нас из того же ряда, что Шагал и Кан-

динский. Знаменитость, о которой небезопасно было в ту пору говорить.

Как звучал Витебский оркестр под управлением Малько, мы уже никогда не узнаем. Как только минуло военное лихолетье 1920-х годов, маэстро буквально испарился из Витебска, а вслед за ним и большинство приехавших музыкантов.

А Бессмертный остался и был в 1924 году командирован в Минск для создания Белорусского музыкального техникума. Так что в основе всех наших столичных музыкальных учреждений драгоценное витебское зерно.

«Гаворыць Мінск!..»

Тем временем в Минске разворачивались совсем уж баснословные события. 15 ноября 1925 года в 18 часов 30 минут в эфире впервые прозвучали позывные широковещательной радиотелефонной станции РВ-10 имени Совнаркома БССР и заветные слова: «Гаворыць Мінск!..»

Первым по новорожденному радио прозвучал доклад председателя Совета Народных Комиссаров БССР Иосифа Адамовича, а затем концерт студентов музыкального техникума.

Из этих-то студентов и сложился оркестр техникума – фундамент будущего Государственного академического симфонического оркестра Республики Беларусь.

«То, о чем мечтали наши музыкальные деятели, теперь начинает осуществляться».

Боевое крещение новорожденного коллектива произошло в марте 1927 года, когда совместно с оркестром Первого белорусского драматического театра (БДТ-1) оркестр техникума публично исполнил Девятую симфонию Бетховена. Дирижировал выпускник Санкт-Петербургской консерватории Илья Гитгарц, руководивший на тот момент оперной студией и оркестровым классом.

Успех концерта не остался незамеченным. 19 апреля 1927 года согласно постановлению Центрального правления профсоюза работников искусств произошло слияние оркестровых коллективов Белорусского музыкального техникума и БДТ-1. Считается, что это и стало рождением главного симфонического оркестра страны.

Но прочитаем анонс, опубликованный в газете «Звезда» № 55 от 4 марта 1928 года: «6 марта в клубе имени Карла Маркса состоится первый симфонический концерт Белорусского государственного музыкального

Основатель и первый худрук Белгосфилармонии композитор Исаак Любан (справа) и композитор Евгений Тикоцкий – художественный руководитель филармонии в 1944–1951 годах. 1930-е годы

техникума. Этим концертом открывается ряд симфонических концертов Белмузтехникума. То, о чем мечтали наши музыкальные деятели, теперь начинает осуществляться, на четвертом году существования Белмузтехникума мы имеем свой собственный, постоянный оркестр... Дирижирует оркестром руководитель оркестрового класса Илья Гитгарц».

«Выступление это было довольно удачным для наспех собранного оркестра, – вспоминает в своей брошюре «Государственный симфонический оркестр Белорусской ССР» (Минск, 1961) музыковед Дмитрий Журавлев. – Но вместе с тем на первом концерте было заметно отсутствие ансамбля, посредственный строй, недостаточная исполнительская дисциплина».

Впрочем, это не помешало завязавшемуся сотрудничеству оркестра с Белорусским радиоцентром. Радио остро нуждалось в музыкантах. В те годы вещание осуществлялось в основном на Минск, где имелось 400 радиоточек и 20 клубных радиоустановок с громкоговорителями. Но 75-метровая деревянная радиомачта позволяла транслировать радиопередачи в радиусе до 300 километров.

Музыкальное вещание в 1925 году велось по 15 минут в сутки, но его объем стремительно рос, и для 22-летнего Исаака Любана, заступившего на пост художественного руководителя музыкального вещания по путевке ЦК комсомола, симфонический оркестр, пусть пока и не слишком профессиональный, стал настоящей находкой. Концерт 6 марта, вероятно, был первым, который транслировался по радио, а затем в течение весны 1928 года

Гитгарц и Бессмертный продирижировали в студии 22 концертами.

Играли без дублей на живой микрофон, так что любая запоротая нота, грязно сыгранный пассаж, квакнувший аккорд через репродукторы разносились по всему Минску. Это мобилизовывало, заставляло расти, двигаться вперед.

Вперед, к филармонии!

21 октября 1929 года Белорусский радиоцентр открыл в Белгостеатре свой первый симфонический сезон. В программе «Шехеразада» Римского-Корсакова и великолепная подборка произведений Чайковского.

Рецензент газеты «Звезда» (№ 243 (3351), 23 октября 1929 года) откликнулся на событие восторженно: «Для открытия зимнего сезона симфонических концертов Радиоцентр блеснул богатой содержанием программой своего первого концерта... Совершенное, полное фантастики и поэтических взлетов, на редкость богатое по своему техническому мастерству произведение Римского-Корсакова было проведено дирижером А. Бессмертным энергично, ясно и выразительно. Чувствовалось, что оркестр немало поработал над этой грандиозной и необычно сложной симфонической сюитой. Особенно хорошо были разучены первые 3 части».

Не прошло и года, как 10 августа 1930 года симфонический оркестр взял новую высоту. В рамках Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной

Из заметки в газете «Звезда» (№ 214, 1928 год) понятно, что консерватория начала свою работу за четыре года до официального открытия

выставки он выступил в зеленом театре городского парка перед аудиторией свыше 3000 зрителей.

Сезон 1930/1931 года ознаменовался двумя концертами под управлением прославленного советского композитора Рейнгольда Глиэра.

А на следующий год наконец-то завершился процесс трансформации Белорусского музыкального техникума в Белорусскую государственную консерваторию. Решение об этом было принято Наркомпросом БССР еще в 1928 году («Звезда», № 214, 1928). Согласно плану, в 1929–1930 учебном году на консерваторские рельсы переводилось вокальное отделение и классы рояля, в 1930–1931 году – классы скрипки и духовых инструментов, в 1931–1932 году – все остальные, т. е., по-видимому, композиторы и хоровики.

Консерватория получила имя А.В. Луначарского и носила его с достоинством 60 лет, вплоть до 1992 года. Возможно, те, кто принимал решение его убрать, понятия не имели о том, что Анатолий Васильевич Луначарский последними копейками Наркомпроса РСФСР поддержал витебских музыкантов, стремившихся возродить свой оркестр и создать у себя народную консерваторию.

Первый и единственный в республике музыкальный вуз был настолько передовым, что в нем имелся оборудованный по последнему слову техники кабинет экспериментальной фонетики, где с помощью стробоскопа, пневмографа, аудиометра и других приборов велось постоянное наблюдение за постановкой голоса молодых

певцов. Быть может, потому среди выпускников тех лет так много выдающихся вокалистов.

К концу 1938 года в консерватории обучалось 165 студентов. Об этом 28 декабря 1938 года сообщил на страницах «Советской Белоруссии» ее первый директор пианист Михаил Аркадьевич Бергер.

А симфонический оркестр тем временем еще интенсивнее развивается. В 1936 году с ним работает выдающийся немецкий дирижер Оскар Фрид, спасавшийся в СССР от фашистских погромщиков.

И, наконец, накопленное количество переходит в качество. 28 сентября 1936 года Совет народных комиссаров БССР принял постановление «О сети учреждений Управления по делам искусств». Отдельной строкой в нем шло поручение «организовать в этом году Белорусскую государственную филармонию в составе: государственного хора, симфонического оркестра и оркестра народных инструментов. Необходимые новые мероприятия по Белорусской государственной филармонии завершать по народнохозяйственному плану на 1937 год».

Сказано – сделано. Официально Белорусская государственная филармония открылась 25 апреля 1937 года. Но ее открытие отнюдь не означало, что в городе появился концертный зал и отличные условия для репетиций. Филармонические концерты проходили все в том же Клубе советских и торговых служащих на углу улиц Коммунистической и Энгельса – примерно там, где сейчас арка между Минским облисполкомом и «Белтелекомом». Репетировали в неотапливаемых сырых стенах кафедрального костела на площади Свободы.

«Концертным залом филармонии служило помещение клуба. Неуютное, пустое фойе, столь же непривлекательный зал. Вместо эстрады – типичная клубная сцена с тряпичными порталами. Акустика отвратительная. Неудивительно, что это помещение не способствовало привлечению слушателей», – рассказывал много лет спустя ленинградский дирижер Илья Мусин, некоторое время работавший художественным руководителем Государственного симфонического оркестра БССР.

Не думаю, что все было так уж мрачно. Просто Мусин не нашел общий язык с Минском. Это хорошо понимал и худрук филармонии Любан, и ее первый директор тромбонист Григорий Прагин (Литманович).

Преемником Мусина на посту главного дирижера стал его ученик 27-летний Константин Симеонов. Он-то и готовил оркестр к участию в Первой декаде белорусского искусства в Москве в июне 1940 года.

Впрочем, подготовка шла крайне вяло, о чем с возмущением пишет в редакционной статье в № 146 (3314)

Дирижеры Илья Мусин, Константин Симонов, Борис Милютин, Одиссей Димитриади, 1936 год. Мусин работал в Минске в 1937–1938 годах, Симонов – в 1938–1941 годах

Исаак Любан и Аркадий Бессмертный во фронтовой бригаде, 1942 год

от 28 июня 1939 года газета «Советская Белоруссия»: «Руководители филармонии проявляют исключительную беспечность, не спешат, и такая, более чем странная, их позиция молчаливо одобряется Управлением по делам искусств».

В совершенно секретном «Спецсообщении о подготовке к декаде белорусского искусства в Москве по состоянию на 1 апреля 1940 года», адресованном первому секретарю ЦК КП(б) П.К. Пономаренко, раскрываются тайные пружины такого поведения. Дескать, средства, отпускаемые на подготовку к декаде, бесконтрольно перетекают в карманы композиторов, а худрук Рудик только приговаривает: «Для декады денег много, пусть подработают, такое время не скоро будет». Композитор Подковыров якобы прямо сказал Рудику: «У вас теперь есть средства, дайте и мне поправить свои дела».

Тем не менее декада в Москве прошла успешно, остаток летнего сезона оркестр провел в Железноводске. А тут подоспел от государства настоящий подарок: на углу улиц Урицкого и К. Маркса, в доме № 21/13 открылся концертный зал. Об этом сообщают многочисленные рекламные объявления в «Советской Белоруссии». Велик он был или мал, красив или уродлив – об этом мы уже никогда не узнаем. По моим расчетам, он открылся 1 апреля 1941 года. А через два с половиной месяца была война.

Сквозь тернии к звездам

О дальнейших судьбах белорусских музыкальных учреждений можно повествовать бесконечно. О фронтовых бригадах и невозвратных потерях. О блистательных концертах, проходивших с осени 1946 года в Окружном доме офицеров. Об известнейших людях, которые работали в музыкальных учреждениях города Минска или почтили их своим вниманием.

Отдельная глава – обретение собственных зданий. В 1958 году консерватория вселилась в настоящий дворец, построенный по проекту Романа Гегарта. Вопрос об отдельном здании ставил еще в 1938 году Михаил Аркадьевич Бергер, но и тогда, и в послевоенные годы консерватория теснилась в одном строении с музыкальным училищем и школой-десятилеткой для одаренных детей. И вдруг такое великолепное помещение.

А 13 апреля 1963 года решился застарелый «квартирный вопрос» Белорусской государственной филармонии. Наконец-то ее административные службы и репетиционные помещения выселились из здания, где до революции помещался Церковный историко-археологический музей, а сейчас располагается Храм Кирилла и Мефодия на Архиерейской горке.

Ректор Белорусской государственной консерватории, композитор Анатолий Васильевич Богатырев произносит речь на открытии здания консерватории. Слева – министр культуры БССР Григорий Яковлевич Киселёв. 1958 год

Но главное – свой собственный концертный зал на 930 мест, в котором в кратчайшие сроки смонтировали великолепный чешский орган.

Здание на площади Якуба Коласа, между прочим, строилось по тогдашнему типовому проекту Дворца культуры и, если присмотреться, очень похоже на Дворец культуры камвольного комбината, каким он был до реконструкции и превращения в Минский городской дворец культуры. Но удивительным образом это типовое здание выглядит очень величественно и обладает собственной аурой. Позже его еще долго достраивали, облагораживали, и получился замечательный храм музыки.

Консерватория в XX веке – это еще и знаменитые ректоры: Богатырев, Оловников, Лученок, Казинец. А филармония – знаменитые дирижеры.

Те времена и события обросли легендами. Например, о том, как Петр Миронович Машеров по-партизански тормознул поезд, везший из Гамбурга в Москву концертный рояль «Стейнвей». В результате инструмент водрузили на сцену Большого концертного зала Белорусской филармонии.

Наталья Петровна Машерова уверяет, что ничего такого не было. Но даже если это и легенда, она недалеко от правды. Наши музыкальные учреждения настолько чувствовали на себе заботу партийных органов, что расслабились, жили спокойно и уверенно. И вдруг шок перестройки, бросок в так называемый рынок, о чем пережившие это с ужасом вспоминают до сих пор.

Владимир Оловников, композитор, народный артист БССР, профессор, в 1962–1982 годах – ректор Белорусской государственной консерватории. Конец 1970-х годов

Честь и хвала худруку Белгосфилармонии, профессору Белорусской академии музыки, заслуженному артисту республики Юрию Гильдюку. Его стараниями филармония вырлила и обрела новую силу.

Главное, прекратилась кадровая чехарда. В 2002 году художественным руководителем и главным дирижером Государственного академического симфонического оркестра нашей страны стал народный артист Беларуси Александр Анисимов. Он пригласил концертмейстером оркестра талантливую скрипачку Юлию Стефанович, набрал замечательных музыкантов и в другие группы, позаботился о том, чтобы в оркестре все было прекрасно – от репертуара до платья.

«Беспрецедентные средства тратятся государством на развитие академической музыки».

– И сразу я почувствовал, что атмосфера изменилась, – вспоминает Александр Михайлович. – Стало расти качество.

В начале 2000-х годов здание филармонии пережило масштабную реконструкцию. 26 января 2005 года состоялся первый концерт в обновленном Большом концертном зале. Преобразились интерьер, акустическая начинка, оснащение сцены. Кроме того, в здании на площади Якуба Коласа открылся 190-местный Малый зал имени Григория Ширмы.

11 марта 2020 года – в самый канун ковида и последовавших за ним событий – коллективу филармонии представили нового генерального директора Александра

Виталий Катаев, художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра БССР, основатель и первый руководитель кафедры оперно-симфонического дирижирования Белорусской государственной консерватории. Регулярно выступал с концертами в Минске вплоть до 1997 года. Конец 1960-х годов

Юрий Ефимов, главный дирижер Государственного академического симфонического оркестра БССР в 1971–1990-х годах

Никиту. Это первый после Прагина профессиональный музыкант на директорской должности.

Никита придал филармонии новый блеск. Даже ковид стал поводом для дальнейшего усовершенствования материально-технической базы. Новые дорогостоящие музыкальные инструменты, аппаратура для видеозаписи и трансляции концертов в интернете, усовершенствованная система вентиляции – и все это за счет весомой государственной поддержки.

– Я не устану повторять слова благодарности нашей стране, нашему руководству, – признается Александр Никита. – Беспрецедентные средства тратятся государством на развитие академической музыки.

Особенно важна массивная закупка музыкальных инструментов и в консерваторию, и в филармонию.

– Сегодня это большая победа, потому что в конце 1980-х – начале 1990-х годов из Беларуси вывезли все лучшие инструменты, – констатирует Юрий Гильдюк.

Массово уезжали превосходные музыканты.

То, что случилось тогда, я надеюсь, никогда больше не повторится.

Главные же победы в последние годы – во-первых, аншлаги буквально на всех симфонических концертах. 40 лет назад такого нельзя было даже вообразить. Это очевидный рост востребованности академической музыки. По данным 2017 года, 54 % посетителей филармонии отдавали предпочтение классике. Можно

предположить, что и в 2022 году цифры не слишком изменились.

Во-вторых, произошел резкий сдвиг в составе публики. Если в 1970–1980-е годы основными посетителями концертов академической музыки были профессиональные музыканты, то сейчас их процент среди филармонической, да и оперной, публики стремится к нулю.

За мануалом органа художественный руководитель Белорусской государственной филармонии (с 1983 года), профессор Белорусской академии музыки, заслуженный артист Республики Беларусь Юрий Гильдюк и легендарный диктор Владимир Шелихин. Начало 1980-х годов

Билетный контролер Инесса Королёва и по долгу службы, и как человек с высшим психологическим образованием с 2009 года пристально наблюдает за зрителями.

– На фольклорную музыку приходят одни люди, на классическую – совершенно другие, – говорит она. – И даже на камерных и симфонических концертах публика заметно различается!

Сама же Инесса Королёва откровенно признается, что после 25 лет работы в школах и 12 лет редактором «Хорошек» она выбрала для себя работу билетного контролера именно затем, чтобы слушать музыку. Любимый коллектив – Государственный камерный оркестр Республики Беларусь.

Захотелось поговорить на эту же тему и с людьми в концертном зале. Соседка справа от разговора отказалась, а вот сосед слева, назвавшийся Александром, рассказал, что он студент-математик и учится в Белгосуниверситете:

– Для меня филармония – место, где я могу насладиться музыкой. Я ее очень люблю, хотя и не умею играть.

«На фольклорную музыку приходят одни люди, на классическую – совершенно другие».

Александр, по его словам, предпочитает музыку «значимую» и постоянно ее переслушивает. Ходит в филармонию не реже раза в месяц и исключительно в одиночку. Любимый жанр – концерт для фортепиано с оркестром, любимые композиторы – Бетховен и Чайковский. Чем не психологический портрет?

И таких молодых умных лиц среди публики много. Вспомнила академика Капицу, не пропускавшего ни

одного концерта в Большом зале Московской консерватории, да и других известных мне интеллектуалов. Подумала о том, что музыкальные способности очень тесно коррелируют со способностями инженерными и математическими – факт известный и хорошо изученный.

«Для меня филармония – место, где я могу насладиться музыкой».

Так может быть, подсадить человека на примитивную музыку означает затормозить его умственное развитие? Такой вот интересный поворот.

Консерватория, филармония, симфонический оркестр – бесценное наследие, доставшееся нам от предков. В Год исторической памяти мы просто обязаны помнить, в какие трудные времена все это начиналось, каких затрат стоило государству и как непросто было порой за это сражаться.

Сражаться приходится и сейчас, отвоевывая пространство, захваченное воинствующим примитивизмом.

«Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки, – сказал Конфуций. – Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречен на вырождение».

Наивно? Может быть, но очень похоже на правду.

А потому соберемся в филармонии, поаплодируем симфоническому оркестру и откроем уши для музыки, которая порой очень тяжело достается и оттого особенно дорога.

Юлия АНДРЕЕВА

**Фото из личного архива автора
и открытых источников**